

Источник: "Возвращение", "Советский писатель", Москва, 1991.

OCR и правка: Александра Белоусенко (belousenko@yahoo.com).

Библиотека Александра Белоусенко - <http://www.belousenko.com>, 31 октября 2003.

Сергей Антонович Клычков родился в июле 1889 года в Талдомской глуши. Мать родила его прямо в малиннике Чертухинского леса. Так судьба определила ему быть певцом и философом русской природы, крестьянского мира, мифотворцем и чародеем русской литературы.

Он прожил сорок восемь лет. Его арестовали в 1937 году. Родственникам передали приговор: десять лет без права переписки. В 1988 году Военная коллегия Верховного суда СССР выдала документ, в котором сообщалось следующее:

"Клычков Сергей Антонович, 1889 г. рождения, член Союза писателей СССР, был необоснованно осужден 8 октября 1937 года Военной коллегией Верховного суда СССР по ложному обвинению в том, что якобы с 1929 года являлся членом антисоветской организации "Трудовая крестьянская партия", имел связь с Л. Б. Каменевым, проводил антисоветскую деятельность в идеологической борьбе. Клычков С. А. был приговорен к расстрелу. Сведениями о точной дате исполнения приговора не располагаем, однако известно, что по существовавшему в то время положению такие приговоры исполнялись немедленно по вынесении. Места захоронения осужденных к расстрелу не фиксировались".

Н. Я. Мандельштам в главе "Не треба" своих воспоминаний передает распространившийся в то время слух о том, что Клычкова пристрелили при допросе.

Сергея Клычкова справедливо причисляют к неокрестьянской, неонароднической, "утопической" литературе двадцатых годов. Эстетика и философия фольклора, народнические, славянофильские идеи, русский символизм, гоголевские традиции -- всё это угадывалось в прозе Клычкова, и всё это лишь оттеняло, подчеркивало его самобытность.

Роман Сергея Клычкова -- явление уникальнейшее и аномальное настолько, насколько вообще аномален талант по своей природе. Проза поэта не вписывалась в повестку дня советской литературы.

В обществе торжествовала городская культура, пролетарская идеология. Клычков же противопоставил горожанину, гегемону революции, высоконравственный мир крестьянина. Крестьянин для него был главным человеком Вселенной, работником, и философом, проповедником соборности и софийности. Общество жило лозунгами о социализме любой ценой, о человеке -- хозяине планеты, покорителе природы. Клычков уже тогда, на заре социалистической индустриализации, предвидел экологическую катастрофу. Он писал о том времени, когда лешие уведут из местных лесов всё зверье и птицу, когда земля, эта зеленая чаша, станет мертвой и обезображенной. В условиях победы воинствующего атеизма и материализма он предложил читателю художественный мир русалок, оборотней, леших, чертей, архангелов... Его герои общаются с потусторонним миром, с душами умерших, с языческой нежитью. В своих романах Сергей Клычков заявил о себе как о натурфилософе и пантеисте, размышлял о нравственности дуализма. Национальному нигилизму писатель противопоставил национальную самобытность как осто́в жизни, культуры, судьбы всякого народа. В условиях, казалось, уже достигнутой обществом гармонии он заговорил о разладе крестьянского мира, о дисгармонии человека и природы, о разрушении соборности.

Проза Клычкова, несомненно, явилась началом советского философского романа -- и этот младенец был задушен в колыбели. Герои Сергея Клычкова мыслили натурфилософскими категориями -- и потому его проза мифологична. Она поражает своей метафоричностью.

А. К. Воронский уверял, что Клычков превзошел своих литературных предшественников -- Мельникова-Печерского и Лескова. В. П. Полонский отдавал пальму первенства всей крестьянской литературы двадцатых годов Клычкову и Есенину. Но критика РАППа, ВОКПа, Коммунистической Академии, обвинив писателя в реакционности, кулачестве, национализме, мистицизме и прочих политических грехах, организовав дружную травлю, перекрыла писателю все пути публикации его прозы. Из задуманного девятикнижия свет увидели лишь три романа.

Нет смысла сейчас спорить о том, кто первый из писателей пострадал от ретивой борьбы вульгарно-социологической критики за чистоту пролетарской идеологии. Но не уйти от того факта, что